

Нет, разумеется, жить-то на что-то надо, поэтому раздаю не бесплатно, но почти. Вот, например, небольшой сборник всяких песен, декламаций, шуток, прибауток и салонных игр. И обойдется он вам не в доллар, и даже не в пятьдесят центов, а всего-то в крошечный десятицентовик. Подумать только, дамы и господа, какие-то жалкие десять центов позволят вам целый вечер развлекаться напропалую. Более того, только на сегодняшнем представлении к сборнику прилагается вот эта бумажная танцовщица. Поднесите к ней спичку — видите, как она просвечивает? А вот таким образом ее можно заставить плясать. Вам угодно? Спасибо, приятель. Что ж, дамы и господа, разбирайте — тут и песни, и стихи, и остроумные шутки, и афоризмы великих людей... Всего за десять центов...

Сестра написала, что у обоих детей коклюш. Надо бы послать ей коробку красок, чтобы было чем развлечь малышей. Дети обожают рисовать. И цветные мелки тоже пошлю.

— Мартин-мореход, живая картинная галерея. Дамы и господа, этот молодой человек с раннего детства странствовал по морям. После жуткого кораблекрушения юноша попал на тропический остров, где встретил старого моряка, корабль которого давным-давно разбился о скалы, а несчастный чудом уцелел и провел на острове почти всю свою жизнь. Все, что ему удалось спасти, — набор инструментов для татуировки. Старик обучил Мартина этому замечательному искусству. Почти все изображения выполнены самим Мартином. Повернись-ка, мореход. Взгляните на его спину. Там воспроизведена известная картина, «Твердыня вечная»⁶. А на груди — повернись к людям, мореход, — изображен взрыв броненосца «Мэн» в Гаванской бухте⁷. Кстати, если среди зрителей найдутся желающие заполучить на руку трехцветное изображение якоря, американского флага или имени возлюбленной, подходите к помосту, не стесняйтесь. Мореход предлагает вам свои услуги. Боязливых просят не обращаться.

Фрэнсис Ксавье Мартин: Эх, какая все-таки красавица эта брюнеточка на электрическом стуле. Вот бы ее осчастливить, да так, чтоб мало не показалось... Только Бруно на меня обрушится тонной кирпичей... Интересно, запомнила ли меня та рыженькая, из Уотервилля? Господи, как подумаю, так сразу и стояк. Фигуристая такая, а главное — с понятием. Но все-таки Молли, чернявенькая, полный снос башки. Сиськи такие зазорные, торчком торчат без всяких там лифчиков и подкладок. Вот где благодать Господня. Даст бог, Бруно в один прекрасный день возьмется гнуть подковы, да и надорвется, тут его удар и хватит. Черт возьми, а ножки у этой Молли как у скаковой лошади! Может, подкатить к ней хоть разок, а потом дать деру из этого балагана? Ради такого дела не жалко.

— Сюда, сюда, дамы и господа! Взгляните на помост. Перед вами самая удивительная девушка на всем белом свете. Вот здесь, рядом с ней, вы видите точную копию электрического стула из тюрьмы «Синг-Синг»...

Мэри Маргарет Кэхилл: И не забывай улыбаться. Папа всегда так говорил. Ах, как жаль, что папы нет. Вот бы увидеть его среди зрителей, он бы усмехнулся мне, и все бы прошло отлично. Ладно, пора скидывать халат, пусть плятятся. Ох, папочка, спаси и сохрани...

Когда Молли была маленькой, папа учил ее всяким забавам. Было очень весело. Вот, например, как выйти из гостиницы будто ни в чем не бывало, спрятав под платьем два других, самых лучших. Однажды в Лос-Анджелесе Молли так и сделала, все свои вещи спасла. А папу в тот раз чуть не поймали, ему пришлось выкручиваться. Он тогда всех заболтал. Он здорово умел всех забалтывать. Всякий раз, когда грозили неприятности, Молли делалось как-то щекотно от возбуждения. А еще — радостно, потому что она знала: папа всегда выпутается, даже если все вокруг считали, что прижали его к ногтю. Папа был просто замечательный.

У него всегда были очень приличные знакомые. Мужчины иногда бывали навеселе, а вот дамы все как на подбор были красавицами. По большей части рыжеволосыми. Они очень мило обращались с Молли, а когда ей исполнилось одиннадцать, стали учить ее пользоваться помадой. В первый раз Молли от усердия покрасила губы слишком сильно. Папа рассмеялся и сказал, что она будто бы сбежала из борделя и по ней каталажка плачет.

Тогдашняя папина приятельница — ее звали Алисой — шикнула на него и сказала:

— Подойди-ка сюда, солнышко. Я тебе покажу, как надо. Давай все это сотрем и начнем заново. Главное, чтобы никто не заподозрил, что ты пользуешься косметикой. В твоём возрасте это ни к чему. Вот, смотри... — Пристально поглядев на Молли, она продолжила: — Чуть-чуть тут, и вот тут. А больше нигде румян тебе не нужно, кто бы что ни говорил. У тебя лицо угловатое, его нужно немного смягчить и вроде бы округлить.

Она показала Молли, как это делается, а потом заставила все смыть и предложила попробовать самостоятельно.

Молли хотела, чтобы папа ей помог, но он ответил, что это не его дело, ему больше пристало косметику размазывать, особенно по воротничкам рубашек. Молли очень боялась, что сама сделает все неправильно, и в конце концов расплакалась, а папа посадил ее к себе на колени, и Алиса снова показала ей, как это делается, и после этого Молли всегда пользовалась косметикой, только посторонние об этом не догадывались. «Ах, мистер Кэхилл! — восклицали они. — Какая у вас очаровательная дочка! Здоровенькая, розовощекая!» А папа говорил: «Да-да, мадам, я ее пою исключительно цельным молоком и спать укладываю пораньше». Тут он всегда подмигивал Молли, потому что она не любила молока, а папа утверждал, что пиво даже лучше, только она и пиво не очень любила, но оно всегда было приятным и холодным, а к нему подавали соленые сухарики и все такое. А еще папа говорил, мол, рано ложиться спать и вовсе ни к чему, так все интересное пропустишь. Утром всегда можно отоспаться всласть, если, конечно, не надо спозаранку идти на ипподром, смотреть, как тренируют лошадей, и замерять время. Так что лучше лечь попозже.

Вот только когда папа выигрывал на скачках, он вечно кутил, а если он кутил, то отправлял Молли спать, когда гулянье было в самом разгаре, потому что гости

всегда предлагали ей выпить. Спиртное ей не нравилось. Однажды в гостинице, где они с папой остановились, какая-то девушка ужасно напилась и начала при всех раздеваться, так что ее пришлось уложить спать в номере по соседству с Молли. Туда всю ночь заходили люди, а на следующий день явились копы и арестовали девушку, а Молли слышала, как все вокруг только это и обсуждали, а потом кто-то сказал, что девушку отпустили, но она попала в больницу, потому что как-то поранилась изнутри. После этого Молли очень боялась напиться допьяна, ведь мало ли что может произойти, а мужчин к себе допускать нельзя ни в коем случае, кроме как по любви. Ну, все так говорили, а тех, кто занимается любовью без любви, называли шалавами. Молли была знакома с несколькими дамами, которые были шалавами, и однажды спросила папу, почему они шалавы, а он ответил, что они позволяют себя обнимать и целовать всем без разбору, за подарки или за деньги. А так делать нельзя, если только не имеешь дело с хорошим человеком, который тебя не подведет и не задаст стрекача, если у тебя вдруг ребеночек объявится. Папа говорил, что нельзя заниматься любовью с человеком, если брезгуешь пользоваться его зубной щеткой. Он утверждал, что это надежное правило, и если его соблюдать, то все будет хорошо.

Молли не брезговала пользоваться папиной зубной щеткой и частенько так и поступала, потому что вторую щетку вечно забывали в гостинице или папа брал ее, чтобы начистить зубным порошком свои белые туфли.

Молли просыпалась раньше папы и часто запрыгивала к нему на кровать, а он кряхтел и притворно храпел, что было ужасно смешно, а потом притворялся, что к нему в постель залез сурок, и начинал возмущаться, что гостиничная прислуга совершенно распустилась и допускает такое безобразие, а потом обнаруживал, что это не сурок, а Молли, целовал ее и велел поскорее одеться и сбежать в гостиничную табачную лавку за ипподромной программкой.

Однажды утром Молли подбежала к папиной кровати, а там спали папа и какая-то дама. Очень хорошенькая, без ночнушки. И папа тоже был без пижамы. Молли сообразила, что случилось: папа всю ночь кутил и забыл надеть пижаму, а дама тоже кутила, и папа привел ее в номер отоспаться, потому что она перебрала и не могла добраться домой, и хотел уложить ее спать с Молли, но так и уснул вместе с ней. Молли осторожно приподняла покрывало и увидела, какой станет она сама, когда вырастет.

Потом она оделась, пошла в гостиничный вестибюль, бесплатно получила программку скачек и вернулась в номер, где папа все еще спал с дамой, которая теперь тесно прильнула к нему. Молли долго стояла в уголке и молчала, надеясь, что они проснутся, заметят ее, а она подбежит к ним с криком «Бу-у!», и они испугаются. Дама тихонько застонала, папа приоткрыл один глаз и обнял ее. Она распахнула глаза, сказала: «Доброе утро, сладенький», сонно и протяжно, а папа начал ее целовать, и тогда она совершенно проснулась и тоже стала его целовать. А потом папа подмял ее под себя и начал подпрыгивать на кровати вверх-вниз, и Молли решила, что все это очень смешно, и расхохоталась в голос, а дама завизжала и крикнула: «Выгони девчонку!»

Папа был просто замечательный. Он лукаво поглядел на Молли через плечо и сказал: «Посиди-ка ты полчаса в вестибюле, разметь программку и найди мне

парочку победителей. А я пока Куини потренирую, а то она от испуга может ногу вывихнуть». Папа не пошевелился, пока дочь не вышла из номера. В коридоре, услышав, как заскрипела кровать, Молли задумалась, воспользуется ли эта дама папиной зубной щеткой, потому что самой Молли ужасно не хотелось бы потом брать в руки эту самую щетку. Молли брезговала.

Когда Молли исполнилось пятнадцать, один из грумов на конюшне позвал ее на сеновал. Молли пришла, а грум схватил ее и стал целовать, но он ей совсем не нравился и целоваться с ним она не хотела, а вдобавок все случилось так внезапно, поэтому она начала отбиваться и закричала: «Папа! Папа!», потому что грум начал ее лапать, и папа прибежал на сеновал и ударил грума так сильно, что тот без чувств повалился на сено, будто умер, только он не умер. Папа обнял Молли за плечи и спросил: «Все в порядке, малышка?» Он поцеловал ее, прижал к себе и не выпускал целую минуту, а потом сказал: «Гляди в оба, ребяенок. На свете полным-полно волков. А этот стервец к тебе больше приставать не будет. Но ты все равно гляди в оба». Молли улыбнулась и ответила: «Я бы ни за что к его зубной щетке не притронулась». А папа усмехнулся и легонечко приподнял ей подбородок кулаком. Молли больше не боялась, но после этого никогда не отходила от папы или от других девушек. Жалко, что все так произошло, потому что с тех пор ей было не по себе на конюшне, а с грумами и жокеями она теперь заговаривала с опаской, не так, как раньше, а они все равно пялились на ее грудь, и из-за этого Молли вся обмякала от страха, даже если они и вели себя прилично и вежливо.

Вообще-то, она обрадовалась, что у нее начала расти грудь, и постепенно привыкла к тому, что мальчишки на нее пялятся. Иногда она оттягивала ворот ночнушки пониже, чтобы было декольте, как у дам в вечерних туалетах, а в один прекрасный день папа купил ей настоящее бальное платье. Прекрасное-распрекрасное. Бледно-розовое, если смотреть на него под одним углом, и золотистое, если под другим, с открытыми плечами и низким вырезом. Просто чудесное. Но как раз в этот год Швертовый и проиграл, а папа как раз на него поставил, а чтобы сделать ставку, пришлось все вещички продать. В общем, после этого они вернулись в Луисвилл. В прошлом году это было.

Папа устроился на работу к старому приятелю, в игорное заведение у реки. Папа был управляющим и все время носил фрак.

Жизнь наладилась, и папа, как только расплатился с некоторыми долгами, записал Молли в танцевальную школу, чтобы дочь научилась чечетке и акробатическим этюдам. Молли очень нравилось показывать папе новые движения. Папа и сам неплохо танцевал в мягких туфлях, хотя никогда этому не учился. Он говорил, что у него ирландские ноги. А еще он хотел, чтобы она выучилась музыке и пению, только у нее, как у мамы, не оказалось голоса. На школьном утреннике Молли исполнила гавайский танец, в настоящей юбке-хула, которую какой-то знакомый прислал папе из Гонолулу, и распущенные волосы черным облаком колыхались по плечам, и в волосах были яркие цветы, а лицо было ярко накрашено, и все аплодировали, а некоторые мальчишки свистели, и из-за этого папа очень рассердился, считая, что они ведут себя неприлично, но Молли все очень понравилось, потому что папа был в зале, среди зрителей, а значит, все остальное не имело никакого значения.

В шестнадцать, когда она стала уже совсем взрослой, все пошло наперекосяк. Появились какие-то типы из Чикаго, и у папы на работе начались неприятности. Молли так и не узнала, какие именно неприятности, но однажды ночью, часа в два, в дом ввалились двое каких-то здоровяков. Молли сразу поняла, что это копы, и поначалу обомлела, решив, что папа наверняка что-то натворил и его пришли арестовывать, но вовремя вспомнила, как папа учил ее обращаться с полицейскими: улыбаться, строить дурачку и называть себя ирландским именем.

Один коп спросил:

— Ты дочка Денни Кэхилла?

— Да, — ответила Молли.

— У меня плохие новости, деточка. Об отце.

Тут Молли почувствовала, что оскальзывается, будто на стекле, как будто весь мир резко накренился и превратился в скользкое стекло, а она с него скатывается в непроглядную темноту, все падает и падает, потому что этой темноте конца-края нет.

Оцепенев, она пролепетала:

— Рассказывайте.

— Твоего отца побили, деточка. Сильно побили, — сказал коп, не как полицейский, а как человек, у которого, наверное, тоже есть дочь.

Молли подошла к нему поближе, потому что боялась упасть.

— Папа умер? — спросила она.

Коп кивнул и приобнял ее за плечи, а больше она ничего не помнила и очнулась только в больнице, вся какая-то вялая и сонная, и решила, что с ней что-то произошло, и стала звать папу, а строгая медсестра велела ей молчать, и тогда Молли вспомнила, что папа умер, и зашлась криком, будто смехом, только ужасным, безостановочным, и ей укололи руку шприцем, и она снова забылась, и так несколько раз, а когда она наконец успокоилась, ей сказали, что надо освободить койку, потому что другие пациенты ждут.

Дедушка Молли, судья Кинкейд, позволил Молли пожить у него с теткой, с одним условием — Молли должна поступить на курсы делопроизводства и через год устроиться на работу. Молли честно старалась, но в голове ничего не удерживалось, хотя она прекрасно помнила результаты всех скачек прошлых лет. Судья странно посматривал на нее и несколько раз заговаривал с ней приветливо и ласково, но потом снова суровел. Молли старалась держаться вежливо и называла его дедушкой, но ему это не нравилось, а однажды она подбежала к нему и нарочно обняла за шею, посмотреть, что из этого выйдет. Он страшно разозлился и велел тетке выгнать Молли из дома, чтобы ее ноги здесь не было.

Как все-таки ужасно было без папы, даже поговорить не с кем, и Молли очень жалела, что не умерла вместе с ним. В конце концов школа танцев дала ей стипендию, и Молли училась и подрабатывала, обучала танцам малышей, и мисс Ла Верн, директриса школы, взяла Молли на постой. Сначала мисс Ла Верн хорошо относилась к Молли, и дружок мисс Ла Верн, Чарли, тоже хорошо с ней обращался, он был смешной, толстый, все время сидел, по-лягушачьи растопырив на коленях пухлые ладони, пальцами внутрь, пучил глаза и пялился на Молли.

Потом мисс Ла Верн рассердилась и сказала, что пусть лучше Молли ищет